

Лет двадцать назад я имел возможность поработать в шикарной библиотеке одного некогда закрытого, а после 1991 года полуоткрытого, заведения на юго-западе столицы. В недрах книгохранилища иностранного отдела этой библиотеки, куда меня пускали добрые женщины, хранители книжных сокровищ (наверняка нарушая какие-то там запреты) я встретил много чудесных изданий. В том числе часть коллекции знаменитой библиотеки Коминтерна.

Мне открывали заветную дверь, запускали меня в хранилище и я погружался в таинственный мир старых книг и изданий. Чего там только не было! Отчеты о каких-то экспедициях в самые удаленные уголки мира, прекрасно изданные собрания сочинений писателей, о которых я слыхом не слыхивал, работы ученых и мыслителей, большинство из которых до сих пор не переведены на русский язык. И многое другое. Я бродил среди высоких стеллажей по огромному помещению и страдал от понимания того, что я никогда, никогда не смогу все это не только прочитать, даже пролистать.

Среди этого огромного количества разнообразных изданий я и встретил заинтересовавшую меня книгу. Она была довольно старая, 1941 года издания, но в хорошем состоянии, как и все книги вокруг – заметно было, что их за последние лет 80 никто не читал. Итак книга называлась «**From Luter to Hitler. The History of Fashist-Nazi Political Philosophy**» . Была она толстая, страниц на 700. Автор -

William Montgomery McGovern

. Имя мне ничего не говорило, а вот книгу я взял в руки и с интересом принялся читать. Мне даже, в нарушение все правил, дали ее с собой, и мне удалось ее всю осилить и, что самое главное, - сделать перевод некоторых ее фрагментов.

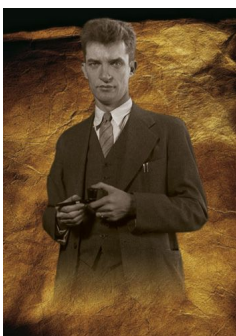
Итак, что меня заинтересовало в книге – так это то, что о фашизме писал автор, который еще не знал, к чему приведет развитие национал-социализма в Германии. Книга вышла в 1941 году, а написана была в 1939-м. Значит, некоторые важнейшие последствия ему был неизвестны, то есть это, в некотором роде, чистый анализ фашистской идеи, без примесей справедливого отвращения и негодования. Именно такой взгляд на фашизм как на идеологию еще не приведшую к величайшей трагедии, мне был интересен как исследователю. Кроме того, автор книги довольно подробно рассматривал философские корни фашизма, возникшие на европейской почве.

Именно переведенный мной небольшой отрывок о сущности фашизма в изложении МакГоверна я и предлагаю Вашему вниманию здесь.

Но сначала несколько слов об авторе книги. Как я узнал уже гораздо позже - это личность весьма примечательная. Исследователь, активный путешественник, автор нескольких книг Уильям МакГоверн (1897 – 1964) вовсе не был кабинетным ученым. Его судьба – пример яркой насыщенной и наполненной приключениями жизни. МакГоверн был неутомимым путешественником, исследовал многие страны, включая экзотические районы Амазонки и Гималаев, был даже буддистским монахом в Японии, одним из первых побывал в тибетской столице Лхасе. Кроме этого, МакГоверн учился в Оксфорде и Сорбонне, был профессором в различных университетах, знал несколько языков, включая японский, во время Второй мировой служил в Военно-морском флоте, готовил аналитические выпуски, которые, как говорят, каждое утро требовал себе президент Рузвельт. Написал десяток книг, описаний своих путешествий и размышлений. В общем, был личностью интересной и немного таинственной.

И особо упомяну вот о чем - именно Уильяма МакГоверна называют **прототипом главного героя фильмов об Индиане Джонсе!**

А вот и он сам, Уильям МакГоверн. Чем не молодой Индиана Джонс?

Итак, вот небольшой отрывок о сущности фашистской идеологии от прототипа Индианы Джонса профессора МакГоверна. Еще раз напомним, книга написана еще до самых

ужасных и трагических событий Второй мировой войны. Но рассуждения автора о фашизме мне кажутся весьма интересными и актуальными. И полезными для нашего времени.

Введение. Либерализм и фашистская традиция

Для среднего англичанина, француза или американца, который жил и интересовался политикой в 1912 году, мир казался сравнительно простым. Он не только был убежден, что такие вещи как демократия, правление большинства и представительное правительство, были превосходными институтами, он был также тверд в своей вере, что рано или поздно эти институты будут представлены во всем мире...
...Тенденция к демократии и ко всем вещам, ей сопутствующей была очевидной.

Ни фашизм, ни национализм не являются новыми движениями. Оба они продукты долгой медленно развивающейся традиции, с глубинными корнями. Этот факт огромной важности.

Многие люди довольно глупо представляют, что фашизм и национал-социализм — случайные продукты временных экономических расстройств в Италии и Германии, и что как только эти экономические вывихи будут отрегулированы, было бы просто для этих стран восстановить либеральный режим. Другие люди способны думать, что утверждение фашистских и национал-социалистических диктатур было возможным благодаря силе и престижу таких личностей как Гитлер и Муссолини, и что если этих лидеров убрать, то будет нетрудно восстановить либеральные режимы.

Возможность того, что мы называем фашистско-нацистской традицией становится очевидной, когда поймем факт, что ни Муссолини, ни Гитлер не были творцами новой философии. Оба они были только популяризаторами доктрин, которые развивались 4 века до этого.

...Кажется очевидным, что сейчас идет великий мировой конфликт между либеральным

движением и движением, которое мы называем фашистско-нацистской.

Либеральная традиция – сочетание принципов демократизма и индивидуализма. Индивидуализм означает – права человека, свобода, невмешательство государства в дела личности. Если либерализм, таким образом, комбинация двух принципов демократизма и индивидуализма, мы можем предположить, что фашистская традиция выражается двумя противоположными принципами: авторитаризм и этатизм. Принцип авторитаризма есть прямая оппозиция принципу демократизма. Может быть много форм авторитаризма, как и демократии, однако, любой авторитаризм урезает мажоритарное правление, заменяя его сильным управлением одного или нескольких людей или небольшой части партии. В 16-17 веках авторитаризм получил самое значимое выражение в доктрине божественного права королей, в идее, что власть дается не людьми, а Богом, и что Бог делегирует свою силу принцам и королям.

В современное время доктрина божественного права королей потеряла свою популярность, но ее место заняли другие формы авторитаризма. Некоторые из них делали ударение на прагматичных и утилитарных достоинствах авторитаризма как контраст демократическому контролю.

Последователи этого типа авторитаризма подчеркивали, что демократия слаба, нерешительна, коррумпирована в противовес сильному и эффективному правлению облеченного властью человека. Другие приверженцы авторитаризма говорят о естественном неравенстве людей.

Факт, что некоторые люди по рождению и по природе более интеллектуальным вообще лучше других. И аргументируют, что для государства лучше быть управляемым умным и усердным меньшинством, чем глупым и ленивым большинством.

Не часто эти два типа авторитаризма сочетаются, как в работе Карлейля, где подчеркивалось, что глупое большинство должно вестись мудрым меньшинством, но добавлялось, что для эффективности мудрое меньшинство должно контролироваться всемогущим лидером.

Если авторитаризм противостоит демократии, то этатизм противостоит индивидуализму. (Коллективизм – это всего лишь удобная форма организации социума для управления сверху).

Термин «этатизм» происходит от французского «*etate*» что означает «государство». Этатизм означает политическое усиление роли государства и преданность государству, как оппозиция частному лицу.

... Мы можем употреблять термин «этатизм», когда мы определяем круг учений, которые напрямую противостоят индивидуализму. Все этатисты сходятся в том, что государство – это что-то выше и важнее, чем люди, составляющие его. Все этатисты также уверены, что государство это не средство достижения цели (например – благосостояния граждан), а сама цель, и для того чтобы достичь благосостояния государства все граждане должны подчинять свои интересы и если нужно жертвовать ими. Для этатистов кажется ясным, что это совершенно правильно и свойственно людям семье, семья – это местное сообщество.

Из-за такого подчеркивания роли государства и ущемления индивидуальных прав, этатисты настаивают, что государство не только может, но и должно обуздывать слова и действия и даже мысли своих граждан, когда слова, действия или мысли противостоят целям, которые государство ставит для себя. Для этатистов государство не только должно для своей выгоды запрещать все претензии на свободу слова, свободу прессы, право на свободу ассоциаций, но и поставить жесткие рамки религиозной терпимости. Даже распространение философских или научных деяний должно быть под присмотром или, если нужно, приостановлено, если эти учения не стыкуются с идеями, установленными государством. Радикальные этатисты, а также многие подобные им, идут даже дальше, и настаивают на государственной цензуре в литературе, искусстве музыки, на основании того, что широкое распространенное восприятие определенной литературы, искусства и музыки может нанести вред морали населению и таким образом, косвенно, нанести урон силе и престижу государства.

Несомненно, что этатисты горласты в провозглашении, что государство должно проводить строгий просмотр и контроль экономической деятельности своих граждан. С этой точки зрения должно быть отмечено, что есть существенная разница между этатистами и теми либералами, кто желает применить регуляцию коммерции и промышленности со стороны правительства. Либерал ставит своей конечной целью благосостояние частного лица и для гарантии этого благосостояния он намеревается обуздать деятельность трестов, монополий, других представителей организованного капитала.

Этатист, с другой стороны, заботится не об индивидууме, а о государстве, и верит, что государство должно учреждать и подготавливать экономическую организацию, которая

более всего подходит для своих собственных нужд. Согласно кредо этатизма, если государство нашло, что социалистический режим (управление собственностью и работа промышленности) был выгоден для его интересов, оно должно без колебаний принять такой режим. Если же государство не получает выгоду от социализма, то этатисты отклоняют социалистическое кредо. В такой манере этатисты доказывают, что если государство может получать выгоду от радикального *lassier-faire*, оно должно принять эту систему, независимо от переживаний граждан. Но с точки зрения факта большинство этатистов соглашались, что государство лучше всего комбинировать принципы частного предпринимательства и государственного регулирования и этот тип организации становится характеристикой этатистских режимов.

Существует много различных типов этатизма. Слабый этатизм, защищаемый определенными философами 19 века, отличается от определенных типов либерализма только особой почтительностью к государству, которое должно гарантировать индивидууму уважение и свободу. В 20 веке с другой стороны мы видим рост радикального этатизма, известного как тоталитаризм. Кредо тоталитаризма лучше всех выражено фразой Муссолини: «Все в государстве и все для государства; ничего вне государства и ничего против государства».

Эта фраза особенно направлена против старой либеральной доктрины, что политическая жизнь - только один аспект, пусть даже очень важный, человеческой жизни и деятельности. Для либерала экономическая деятельность, культурная деятельность, религиозная деятельность и общественная деятельность также важны и в тоже время отдельные и независимые фазы человеческой жизни. Для тоталитарного человека такая идея – проклятье. Для него государство и есть цель человеческого существования. Государство включает в себя все фазы человеческой жизни, такие вещи как экономика или философия, или искусство только подчиненные аспекты свойств и функций государства.

С точки зрения чистого разума кажется, что нет необходимой связи между авторитаризмом и этатизмом. Было бы возможно представить авторитарное государство (то есть контролируемое небольшой группой или одним человеком), которое позволяло бы индивидуумам большую степень индивидуальной свободы. Таким был тип государства, о котором мечтал В.Парето, итальянский философ.

В такой же манере был бы возможен этатистский, даже тоталитарный режим, который контролировался бы малой группой людей и, таким образом, мог бы быть формально демократичным. Таким является тип государства, о котором мечтали многие социалисты

как в древние так и в новые времена. Так и случилось, что как либерализм рос в сочетании демократизма и индивидуализма, так и фашизм рос как комбинация авторитаризма и этатизма. Фашизм и его кузен – национал-социализм, может быть понят только принимая этот факт во внимание.

Фашизм в общем смысле означает убежденность (веру) в иерархическую власть, как оппозицию демократии, совмещенную с верховенством государства, как оппозиции верховенству личности.

1941.

MCGOVERN, WILLIAM MONTGOMERY. From Luther to Hitler: The History of Fascist-Nazi Political Philosophy. Pp. xiv, 683. Boston: Houghton Mifflin Co., 1941.
(Перевод Р.Евстифеева).